

сравнения. Периферийный компонент, не отражённый в структуре слова ‘о движении куда-н.: семеня сбоку или позади кого-н. с заискивающим видом’, определяется при сравнении (как *петушок*) на основе фоновых знаний.

Значение наречия *петушком* состоит из обусловленного компонента ‘как (-ом) *петушок* (сравнение и объект сравнения)’ и необусловленного (периферийного) компонента ‘о движении куда-н.: семеня сбоку или позади кого-н. с заискивающим видом’ (образ действия)’

Отметим, что при стандартном варианте один и тот же многозначный дериват может являть собой пример и периферийной, и непериферийной мотивации. Так, слово *собачий* ‘относящийся к собаке’ непериферийно мотивировано прямым номинативным значением существительного *собака* ‘домашнее млекопитающее’. Слово *собачий* в знач. ‘очень плохой трудный (о жизни)’ и ‘очень сильный (о морозе)’ мотивировано тем же значением существительного, но уже периферийно, поскольку выражает необусловленные структурой компоненты значения и в том числе идею сравнения, ср.:

Первое значение прилагательного *собачий* состоит из обусловленного компонента ‘относящийся (-ий) к собаке, принадлежащий собаке’.

Второе значение прилагательного *собачий* состоит из обусловленного компонента ‘относящийся (-ий) к собаке’ и необусловленного (периферийного) компонента ‘плохой (о жизни), как...’

Третье значение прилагательного *собачий* состоит из обусловленного компонента ‘относящийся (-ий) к собаке’ и необусловленного (периферийного) компонента ‘сильный (о морозе, холоде), злой, как’

Стандартная периферийная мотивация возможна только на основе прямой мотивации. Среди новообразований возможна **нестандартная** периферийная мотивация переносным значением. Например, новообразование *лопуход* (Д.Емец) семантически мотивировано вторым переносным значением существительного *лопух* ‘о глупом человеке, простаке’ и выражает периферийный компонент ‘не владеющий искусством магии’.

Е.Г. Усовик

СУДЬБА/OSUD В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА

Современный этап развития лингвистики характеризуется установлением связи между изучением языка и культуры. Язык

рассматривается уже не просто как орудие коммуникации, а как вербальная сокровищница нации, в которой хранятся все воззрения (мифологические, религиозные и др.) народа о мире, в котором он живет.

В каждой культуре модель мира состоит из целого ряда универсальных концептов и констант культуры – таких, как пространство, время, измерение, причина, сущность стихий, нравственные понятия и др.

А. Вежбицкая образно обобщила мысль об универсальности концепта «судьба» следующим образом: «Люди не всегда могут делать то, что им хочется, и они знают об этом. Их жизни формируются – во всяком случае, до какой-то степени – силами, которые им неподвластны, и это представляется фактом столь же очевидным и универсальным, как и то, что они должны умереть. Поэтому у нас есть основания предполагать, что концепт судьбы или что-то в этом роде можно обнаружить во всех культурах и что он находит выражение во всех языках – подобно тому, как это происходит с концептом смерти»¹.

Однако, несмотря на универсальность того или иного концепта, в каждой культуре он имеет свое наполнение и языковое выражение. Для русской культуры концепт «судьба» особенно важен, ибо он входит в узкий круг ключевых слов русской языковой картины мира, как например: душа, тоска, счастье, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно и др. «Ключевыми» эти слова являются потому, что они дают «ключ» к пониманию русской языковой картины мира, одновременно являясь лингвоспецифичными, так как содержат в своем значении концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках»².

Русский и чешский языки близкородственны, т.к. относятся к группе славянских языков и развиваются на общей основе праславянского языка. Но довольно рано, в XII в., развитие двух культур, а значит и языков, пошло по двум различным путям: чешский народ перешел в христианство в его западном, католическом виде, а Русь сохранила христианство восточного, византийского образца. Поэтому лексическая репрезентация концепта в обоих языках может быть очень схожей, благодаря общему происхождению, однако их содержание складывалось под воздействием разных цивилизаций – западноевропейской и православной.

По частотности русские и чешские слова, репрезентирующие концепт «Судьба», располагаются так:

¹ Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь. 1994. № 5. С. 24.

² Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 6.

судьба – доля – участь – удел – жребий – рок – предопределение – предназначение – промысел – провидение¹.

osud – sudba – úděl – předurčení/predestinace – prozřetelnost.

По своему происхождению все эти слова образованы от глагольных корней (это действия) и изначально, в первичном своем значении, номинировали долю, удел, часть по жребию – просто пай, определенный участок земли и других владений. В чешском языке, по данным Малого старочешского словаря², отражающего лексику чешского языка от начала письменности до конца XV в., у слова osud (судьба), по крайней мере, до конца XV в., имелось значение rokuta, peněžitý trest (‘штраф, денежное наказание’). Таким образом, современные значения этого слова в русском и чешском языках – ‘сила, определяющая ход событий (человеческой) жизни, ход жизни; события, то, что случилось’, – являются гораздо более поздними.

В метафорическом переосмыслении слов во многих языках судьба предстает как сплетение нитей жизни в своеобразную ткань текста, т.е. как связь и одновременно как речь, а это тоже сплетение, но уже не вещей, а слов³.

Сказанное подтверждается и относительной универсальностью того, что может быть названо «архетипическими концептами», выражающимися в сходных семантических мотивировках обозначений «судьбы» в разных языках.

Так С. Л. Сахно⁴ было выделено три подобных концепта: «1. судьба как связь; 2. судьба как речь и 3. судьба как текст». Т. В. Топорова⁵ выделяет на германском материале следующие семантические мотивировки обозначений судьбы: «судьба как мера», «судьба как поворот» и имеющая особенно много параллелей в других культурах «судьба как часть». Последнее особенно актуально для русского и чешского языков: русское – доля, удел, участь, счастье; чешское – úděl (от udělití – □дать, предоставлять, присудить, наградить’), štěstí (др.-чешск. sčěstie), др.-чешск. Otdiel⁶.

¹ Частотный словарь русского языка под ред. Л. Н. Засориной, М., 1977. С. 178.

² Malý staročeský slovník z Vokabuláře webového, Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., verze 0.3.0, <http://vokabular.ujc.cas.cz>

³ Об этом подробнее см.: Апресян В.Ю. Семантика и прагматика судьбы. М., 2006.

⁴ Сахно С. Л. Уроки рока: опыт реконструкции «языка судьбы» // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 15.

⁵ Топорова Т. В. Древнегерманские представления о судьбе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 10.

⁶ Malý staročeský slovník z Vokabuláře webového, Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., verze 0.3.0, <http://vokabular.ujc.cas.cz>.

В русском языке представления о судьбе также выражаются через концепт «судьба как речь» – рок. В русском слове «рок» (одного корня с глаголом «реку», существительным «речь») содержится отчетливо выраженное представление о чем-то «предреченном», «высказанном»; автор этого высказывания – некая сила, предопределяющая течение событий.

Эквивалента слову «рок» с тем же корнем в чешском языке нет; русское *рок*, как правило, переводится на чешский язык словом *osud*. Вместе с тем, и у последнего есть ряд дериватов, которые отсутствуют у русской лексемы «судьба»: *osudný* (*den, náhoda* ap.), *osudový* (*chvíle, ráda* ap.) – роковой, фатальный; *osudně* – фатально; *osudovost* – роковое значение, а также *sudička* – богиня судьбы. При этом в чешских производных явно присутствует негативная оценка, тогда как русское прилагательное *судьбоносный* характеризует лишь событие большой значимости.

Понятие судьбы исследователи этимологически связывают с сознательной деятельностью какого-то высшего существа, производящего свой «суд» и «присуждающего» смертным их будущее, что заложено в корне слова: судьба – судит¹. Часто это событие оценивается человеком негативно, потому что судьба неизвестна (а все неизвестное пугает), следовательно, она нежелательна. Поэтому в русском языке за данной лексемой закрепились синтагматика «враждебная, неведомая, неотвратимая, превратная судьба», т.е. судьба как возмездие.

В современном чешском языке также присутствует глагол *řici, říkat* (сказать, говорить), однокоренной с архаичным русским «реку», от которого и образовалось слово «рок», однако рассматриваемая здесь семантика у самого слова «рок» в чешском языке отсутствует, и имеется только значение ‘отрезок времени’ – год. (Ср. у В.И. Даля²: РОК м. южн. зап. год, лето. || Стар. срок, урочное, уреченое время, пора, доба. Прийти... на уреченый рок. || Ныне судьба, предопределенье, участь, неминуемое, суженое.) Очевидно, что по каким-то причинам номинация концепта «Судьба» как речи для чешского языка оказалась неактуальна.

Полным словарным соответствием русской судьбы в современном чешском языке является слово *osud*: **osud** 1. síla, o níž se věří, že rozhoduje o běhu událostí (lidského) života; běh života ... 2. zprav. mn. minulé (životní) příhody, děje (1. сила, которая, как верят, определяет ход событий (человеческой) жизни, ход жизни; 2. события, то, что случилось). Толкования этих лексем совпадают.

¹ Ярхо В. Рок. Грех. Совесть (К переводческой трактовке древнегреческой трагедии) // Мастерство перевода, 9-ый сборник. М., 1973. С. 200-231.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М., 1980. Т. 4. С. 103.

Слово «**osud**» и соответствующий концепт употребляется и осмысливается преимущественно в религиозном дискурсе. Понятию *osud* посвящена проповедь преп. Петра Самойского «Жизнь как судьба или вызов?»: *Navzdory tomu se bráním, abych viděl a vnímal život jako osud. Jistě, cítím určitou osudovost, ale odmítám se stát fatalistou a brát život jako předurčený osud. Navzdory osudovosti, kterou v něm cítím, chci brát život jako výzvu*¹. Таким образом, чешское религиозное сознание признает существование «*osudovosti*» как непредсказуемой силы (т.е. Божественного промысла), но противится мысли о предопределении судьбы, которая воспринимается негативно и отторгается, поскольку исключает свободную волю и свободу действий.

Об этом свидетельствует и отсутствие в чешском языке эквивалента русскому предикативу «не-судьба», основная функция которого, как указывает В.Ю. Апресян, «интерпретировать какие-то факты, как означающие, что событие X не произойдет, потому что судьба против X»². В чешской языковой системе есть предикатив «*není souzeno*» (русск. не суждено). От упомянутого выше русского выражения «не-судьба» он отличается, во-первых, временной ориентацией: «не-судьба» отсылает сразу к двум временным планам – недавнему прошлому и будущему (Мы не сошлись характерами. Видимо, не судьба нам быть вместе); «*není souzeno*» – либо к прошлому: *Díky Bohu, že mi nebylo souzeno zemřít*; либо к будущему: *Budu-li dlouho žít – což mi asi není souzeno – pak se ve stáří dám zase zavést do Loun, abych tam prolil slzy nad nejdražší ze všech svých vzpomínek (Český národní korpus)*.

В чешском языке судьба-*osud* предстает скорее во втором своем значении – ‘некая совокупность событий’. Как правило, они представляются человеку трагическими и необъяснимыми, но за ними стоит Божий промысел: *Narodí se těžce postižené dítě. Nebo se nenarodí žádné. V rodině je vážná dědičná nemoc. Někdo žehrá na osud, že se narodil jako muž, někdo zase jako žena...* То všechno jsou danosti, které změnit nemůžeme... *Svatý Tomáš pojem „osud“ nepoužívá jako synonymum náhody, ale pro situace, které jsme si sami ne zvolili a které jsou v Božím plánu. Nemá na mysli žádnou smůlu, nýbrž Boží záměr*³.

Слово *osud* употребляется также в выражении *je to osud*, по смыслу совпадающем с русским «это судьба»: *Snad je to osud, že podruhé jsem se složil teď před touhle premiérou* (Чешский национальный

¹ *Samojský Petr, Rev. Dr. Život jako osud nebo výzva? Elektronická verze proповеди: <http://www.unitaria.cz/praha/Archiv/> 2004-05/ Jul31.05. Život_jako_vyzva.htm*

² Апресян В.Ю. Указ. соч. С. 13.

³ *Maria Svatošová. Náhody a náhodičky s Marií Svatošovou. Praha, Karmelitánské nakladatelství, 2004. С. 3.*

корпус¹). Также как и в русском языке, это выражение может употребляться и в сниженном контексте для описания мелких бытовых неприятностей и зачастую сопровождается словами *snad*, *myslím* и т.п., выражающими предположение говорящего о возможном вмешательстве некоей силы (судьбы).

Чешская пословица гласит: *Každý je strůjcem svého osudu*. Ее, как правило, переводят русской пословицей «Каждый – сам кузнец своего счастья». Во-первых, при этом чешский «*osud*» подразумевает и плохие, и хорошие события жизни; а во-вторых, человек сам является источником и распорядителем своей жизни. В то время как в русской пословице говорится только о счастье, т.е. о благоприятном ходе событий, и вопрос ответственности за неудачи выносится за скобки. Кроме того, в чешском языке существует устойчивое выражение *mít osud ve vlastních rukou*, которое имеет тот же смысл, что и приведенная поговорка, и полностью дискредитирует идею предсказуемости событий и вмешательства некоей высшей силы.

Слово *sudba*, этимологически и фонетически почти полностью совпадающее с русским, не коррелирует с последним по сфере употребления. Оно приводится в Словаре чешского литературного языка (СЧЛЯ)² с пометой «книжное» в качестве синонима слова *osud*. Это редкое слово (1 353 употребления в электронных текстах, найденных чешским поисковым сервером www.seznam.cz) в разговорной речи практически не употребляется и встречается преимущественно в поэтических текстах как устаревшее, используемое в целях архаизации и остранения текста (всего 36 случаев употребления в Чешском национальном корпусе, включающем 100 млн. слов современного чешского языка; большинство случаев употребления – в чешском переводе романа «Властелин колец»). Кроме того, оно может употребляться в значении «пророчество».

За исключением частотного и нейтрального слова «судьба» (чешск. *osud*), все остальные лексемы, номинирующие понятие судьбы, так или иначе стилистически маркированы: многие из них являются редкими, некоторые – устаревшими; некоторые относятся преимущественно к религиозной сфере (промысел, провидение, чешск. *prozřetelnost*, *předurčení*, *predestinace*).

Предопределение – чешск. ***předurčení/predestinace***. В религиозных учениях – предустановленность жизни и поведения человека, его спасение и осуждение в вечности волей Бога. Идея предопределения представлена в чешском языке словами *předurčení* и *predestinace*, хотя эти книжные слова так же малоупотребительны, как и их русский аналог. Кроме того, идею предназначения в одном из своих значений

¹ Český národní korpus, <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, Academia, 2003. С. 422.

может выражать слово «úděl» в выражении *naplnit úděl*: Po smrti Václava uprchl k Němcům a žil tam dlouho ve vyhnanství. Když se odhodlal vrátit, musel naplnit úděl mstitele¹. Русское слово «удел» таким значением и сочетаемостью не обладает. Однако «предопределение» (*předurčení*, *predestinace*) далеко не всегда используется в теологических контекстах, но во всех других случаях употребления оно сохраняет свою семантическую специфику: эта номинация указывает на невозможность повлиять на заранее определенный ход событий, изменить предначертанный план.

В семантической структуре чешского слова «*předurčení*» есть еще один ЛСВ – «**предназначение**». Он указывает на наличие некоторого замысла относительно всех вещей, согласно которому все имеет свою собственную, заранее определенную высшими силами функцию, которую нужно стараться выполнить. В обиходном употреблении «предназначение» указывает просто на функцию, не имея в виду наличие высшего замысла. В чешском языке два значения данного слова распределены между двумя лексемами – высоким философским *předurčení* и бытовым *určení* – ‘назначение’.

Далее, в чешском языке есть слово «*povolání*», которое в обиходной речи является эквивалентом русского слова «профессия»: *Nejprestižnějším povoláním podle Čechů je lékař*². В более высоком контексте оно может также означать (высокое) призвание и предназначение. Оно образовано от глагола *volat* (звать), и в этом его внутренняя форма сходна с внутренней формой русского слова «призвание», например: употребление и обыгрывание трех значений слова «*povolání*» в одном контексте религиозного дискурса: *Kniha chce čtenáři pomoci objevit, ujasnit si a žít vlastní povolání (prednaznacenie), které má jakožto člověk, křesťan a Ježíšův učedník. Velice poutavé osobní svědectví zde autor, který se jednu dobu léčil na rakovinu, vydává také o svém duchovním povolání (duchovné povolání a profesie svátců)*³.

Слова, указывающие на высшие силы Божественной природы, – **провидение, промысел** оцениваются положительно независимо от того, какого рода событие вызывается ими; они подразумевают наличие Божественного плана, Божественной воли относительно всего, что происходит, и в силу этого глубокой осмысленности этого происходящего.

Идея Божественной силы, влияющей на жизни людей (русские «провидение и промысел»), в чешском языке выражается словом

¹ Moučková Miroslava. *Za času přemyslovských knížat*. Praha, 2006. С. 2.

² *Nejprestižnějším povoláním podle Čechů je lékař* // *Hospodářské noviny* от 03.01.2005, *электронная версия Cesko.ihned.cz*

³ Maureder Josef. *Porozumět Božimu volání. Různé aspekty rozlišování životní cesty člověka*. Praha, 2007. С. 1.

prozřetelnost. От русских эквивалентов оно отличается отсутствием «бытового», «девальвированного» круга употреблений: отмеченное слово преимущественно встречается в религиозных контекстах: *Věřit v Boží prozřetelnost znamená věřit, že nám nic nedokáže zabránit v naplnění posledního smyslu naší existence*¹. Это свидетельствует о том, что выражаемый лексемой «prozřetelnost» концепт в меньшей мере интегрирован в языковую картину, нежели «провидение и промысел», для которых возможно большее число употреблений, включая «профанированные».

На высокую степень случайности в том, что обстоятельства сложились тем, а не иным образом, указывают слова **жребий, доля, участь, удел (los osudu, úděl)**, задающие правила игры, где человеку случайно попадает та или иная карта. Эта идея игры – выпадение жребия – представлена в чешском языке словосочетанием *los osudu*, которое может быть переведено как жребий (судьбы), при том, что отдельно слово «los» в значении ‘сила, распоряжающаяся жизнью людей’ не употребляется. Лексема «*úděl*» отмечена пометой «книжное» с приведением двух значений – *osud* и *určení* (‘назначение’, например: *parlnit úděl*). *Úděl* может переводиться на русский язык как ‘доля, удел, предназначение’ и, несмотря на наличие пометы в словарных толкованиях, в современной чешской речи сфера его употребления не ограничена. Это отличает его от функционирования русского аналога «удел».

В целом можно отметить меньшую номинативную плотность концепта «Судьба» в чешском языке по сравнению с русским: соответственно 6 и 10 лексем, а также наличие всего одного общеупотребительного литературного слова «*osud*» по сравнению с пятью русскими – *судьба, доля, удел, рок, жребий*.

Проведенный анализ концепта «Судьба» позволяет делать вывод о том, что важной составляющей русской языковой картины мира является представление о непрогнозируемости происходящих событий, их неизбежности: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него, он зависим от действия какой-то внешней воли, в результате чего жизнь представляется как загадочный процесс, где человек действует не сам, а с ним нечто происходит.

В чешском языке данный концепт номинируется лексическими средствами, семантически и этимологическим родственными русским, однако распределение смысловых зон и сфер употребления иное. Слово «*sudba*» является устаревшим и практически вышедшим из употребления; более того, в чешском оно получило дополнительное значение – ‘предсказание’ (судьбы). Также у лексемы «*úděl*» развилось новое значение, отсутствующее в русском, – ‘предназначение, задача,

¹ Maria Svatošová. Указ. соч. С. 3.

миссия', которую можно naplnit. И это не случайно: идея существования судьбы/osudu как высшей силы, принимающей решения за человека и освобождающей его от необходимости действовать, оценивается носителями чешского языка негативно. Поэтому в чешской наивной языковой картине мира вмешательство судьбы/osudu, как правило, несет человеку зло и разрушение (zlý, krutý osud, zásah osudu), тогда как в русском языковом сознании судьба в целом нейтральна, и от нее можно ждать как хорошего – подарка судьбы, так и плохого – удара судьбы.

По этой же причине в чешском языке значение лексемы «osud» – 'высшая сила, определяющая жизнь человека помимо его воли' – находится на периферии общественного сознания и активно осмысливается в основном в религиозном дискурсе, где судьба/ osud предстает как синоним Божественного промысла, в то время как для русского языкового сознания оно остается актуальным и весьма важным.

И.Б. Хоменко

ОПЕРАЦИЯ СРАВНЕНИЯ КАК ИДЕНТИФИКАТОР НОРМЫ И АНТИНОРМЫ

Комплекс знаний и представлений этносоциума о мире организуется в оппозиции соответствие / несоответствие норме. Но и само установление нормы опирается в свою очередь на признак соответствия, так как нормой признается то, что соответствует представлениям социума об устройстве действительности и способах действия в ней. Таким образом, одним из базовых признаков, лежащих в основе оппозиции норма / антинорма, является соответствие / несоответствие. «*A* соответствует *B*» означает, что *A* является частью той системы, которая обозначена как *B* или имеет такие же свойства, то есть фиксация соответствия *A* и *B* устанавливается на основе выявления необходимой меры сходства между ними. Из вышесказанного вытекает, что соответствие и несоответствие обнаруживается на основе сравнения, которое является одной из главных ментальных операций.

Норма может существовать автономно. Антинорма обязательно нуждается в «фоновой поддержке». В рамках одной конструкции, смежных предложений или текстового фрагмента происходит совмещение представления о норме и антинорме на основе их сравнения, со- и противопоставления. Манифестация нормы и одновременное указание на антинорму может происходить на лексико-синтаксическом уровне. Конструкциями, уже в саму модель которых заключено указание на отклонение от некоторой нормы, являются сложносочиненные предложения со значением несоответствия, вторая часть в которых излагает нечто отличное от того, что можно было бы ожидать, исходя из содержания первой части: *Катя Минаева поражала*